

© В. П. ЖМУРКИН, 2009

УДК 616-091:93

В. П. Жмуркин

И. В. ДАВЫДОВСКИЙ (1887—1968): ДИСКУССИЯ О ПАТОЛОГИИ В XX ВЕКЕ

НИИ истории медицины РАМН, Москва

Чуть более полувека прошло со времени "вспышки" редкой в истории медицины по своему накалу и продолжительности дискуссии, инициированной работами И. В. Давыдовского в области патологии. Такой период достаточен для начала предварительного исторического анализа этого феномена, выделившего И. В. Давыдовского как ведущего патолога в ряду самых видных отечественных ученых-патологоанатомов.

Напомним, что первый научный спор с И. В. Давыдовским начали в 40-е годы XX века хирурги по поводу высказанного им взгляда на раневую инфекцию как на целесообразное для раненого организма сочетание его "интересов" и "интересов" микрофлоры, участвующей в биологическом очищении ран и развитии регенераторного процесса при заживлении ран через нагноение ("вторичным натяжением"). Неприемлемость такого взгляда для хирургов, предположивших в нем покушение на их позицию борьбы с микробным заражением, отраженную в соблюдаемых ими асептике и антисептике как главном орудии этой борьбы, поставила И. В. Давыдовского перед необходимостью разъяснить свою позицию, в которой "покушения" на асептику и антисептику не предполагалось.

Разъяснение последовало в "Учении об инфекции" (1956), где инфекционная болезнь была представлена не как борьба с микробом, а как процесс приспособления организма и микроба к сосуществованию, завершающийся чаще всего новой формой их симбиоза. Вообще все взаимоотношения растений и животных организмов с микробами были представлены как непрерывный в эволюции видов процесс взаимного их приспособления (в том

числе через инфекционную болезнь), приведший к формированию равных видов их симбиоза. С выходом этой работы дискуссия обострилась, включив в обсуждение методологические вопросы (на уровне философии), что потребовало от И. В. Давыдовского очередного "разъяснения" своих позиций уже в философской его работе "Проблема причинности в медицине (этиология)" (1962), сразу расширившей как состав оппонентов (от представителей разных областей практической и теоретической медицины до биологов и философов), так и содержание дискуссии — от инфекционных болезней до вообще патологии и философских вопросов медицины. Дискуссия велась и публично (в Академии медицинских наук СССР, во II Московском медицинском институте (ММИ) им. Н. И. Пирогова, на заседаниях медицинских обществ), и главным образом на страницах научных изданий и даже газет.

Цель данной работы — рассмотреть с современных позиций следующие вопросы. Что было предметом дискуссии? Каковы ее основания? Каковы причины особенностей дискуссии (ее эмоциональной насыщенности, напряженности и в то же время низкой результативности)? Каковы итоги дискуссии для представительства взглядов И. В. Давыдовского в современной патологии?

Предмет дискуссии. Принципиально дискуссионным было центральное положение концепции И. В. Давыдовского, утверждающее, что болезни — специфические видовые процессы и являются одной из форм приспособления вида к изменяющимся условиям его существования в среде обитания (а само приспособление — универсальная и специфичная для биологической материи форма отражения). Соответственно предметом дискуссии стали и вытекающие из этого положения представления И. В. Давыдовского о сущности основных предметов теории патологии: *о патологических процессах* как исторически сложившихся (отобранных в эволюции вида) актах приспособления целостного организма к среде его обитания в особых условиях (а потому не противопоставляемых физиологическим процессам, с которыми "перед лицом законов биологии они образуют единство"¹); об *этиологии* как учения о действии причин болезней, не прямом, а всегда опосредованном через взаимодействие их с физиологическими системами организма; о *патогенезе* как организованном (в том числе наследственно закрепленными на предшествующих этапах эволюции вида способами взаимодействия со средой) развитии отдельных патологических процес-

¹Давыдовский И. В. Проблема причинности в медицине (этиология). — М., — 1962. — С. 76.

сов и в целом болезни по принципу "саморазвития, самодвижения и саморегуляции"².

Этими представлениями, относясь к болезни как проявлениям жизни, И. В. Давыдовский определил патологию среди естественных наук как предмет биологии, призванной устанавливать законы жизни. Это согласовывалось и с новым в то время подходом И. В. Давыдовского к организму как биологической системе, в которой свойство (принцип) приспособления к среде обеспечивается совместно с присущими таким системам принципами единства организма и среды, целостности, самодвижения и саморегуляции, биологической целесообразности³ (телеономическая интерпретация предтерминированности результата действия в сложных органических системах).

Основания дискуссии. Наряду с естественно возникающими дискуссиями в науке, когда их предметом является новое знание, еще не согласованное в своих отношениях с устоявшимися представлениями, история знает примеры дискуссий, организованных либо "сверху" для принятия политических или организационных решений, либо самим автором для удовлетворения своих профессиональных интересов, например для привлечения внимания к своим идеям или результатам своих научных исследований.

Есть достаточно оснований утверждать, что дискуссия с И. В. Давыдовским не была организованной "сверху", хотя и были выступления со ссылками на К. Маркса и Программу КПСС, согласно которым представления И. В. Давыдовского о болезни якобы противоречат концепции о роли медицины в государстве⁴. Что касается организации дискуссии самим автором, то такое мнение прямо высказал акад. АМН СССР О. В. Кербиков, отметивший, что в своих трудах И. В. Давыдовский полемизирует не с научными взглядами современной ему медицины, а "против имевших место в прошлом⁵ примитивных взглядов" и что "нельзя признать оправданным этот полемический прием", расцениваемый О. В. Кербиковым как "попытка принудительно привлечь читателя к обсуждению"⁶. Хотя это перекликается с ответным признанием самого Ипполита Васильевича в том, что он «имел своей целью именно заставить "задуматься"... прежде всего ревизовать правильность теоретических представлений, утвердившихся в медицине, в том числе и представлений О. В. Кербикова», И. В. Да-

²Давыдовский И. В. Общая патология человека. — М., 1961. — С. 24.

³Давыдовский И. В. Философские основы патологии. — Арх. пат. — 1969. — Т. 31. — № 6. — С. 5.

⁴Выступление проф. Б. Я. Смулевича (О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 29, 31) на последней "аудиторной" дискуссии с И. В. Давыдовским по его книге "Проблема причинности в медицине (этиология)" в расширенном заседании Ученого совета II ММИ им. Н. И. Пирогова 14.01.63 с присутствием студентов, часть которых дискуссии слушала вне аудитории по радио.

⁵Шрифтовые выделения во всех приводимых в данной работе цитатах осуществлены автором.

⁶Выступление акад. АМН СССР проф. О. В. Кербикова // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 21, 26.

выдовский, тут же отвергает "полемический прием" как причину дискуссии, ибо в его "ревизии теоретических представлений" в медицине "речь идет не о прошлом, а о *настоящем*, фактически о всей первой половине XX века"⁷. Значительная поляризация отношения участников дискуссии (представителей разных наук и специальностей и разного уровня ученых достоинств) к взглядам И. В. Давыдовского — от неприемлемости их, например гигиенистами эпидемиологами, до почти безоговорочной их поддержки, в том числе видным клиницистом-инфекционистом А. Ф. Билибиным⁸, а также высокая степень сопротивления проникновению взглядов И. В. Давыдовского в научную медицину свидетельствуют о верности последнего его замечания, которое сегодня можно соотносить уже не только с первой половиной XX века.

Следовательно, дискуссия была действительно предметной, относящейся к новому знанию. И наша задача определить, в чем же состояла эта новизна знания как основание дискуссии и чем объяснить ее напряженный и затяжной характер (дискуссия продолжалась более 20 лет — до смерти И. В. Давыдовского).

Суть новизны была заложена в самом подходе И. В. Давыдовского к формированию теории патологии на основе не самой медицины, а естественных наук. Полагая, что медицина, "выйдя из университета, построив свою академию, *фактически оторвавшись от естествознания*", совершенствуется в основном не в теории, а в практике диагностики и лечения конкретных болезней, И. В. Давыдовский призывает "преодолеть разобщенность биологии и медицины и их общую разобщенность с физикой, химией, математикой"⁹. Действительно, релятивистские эффекты специальной и общей теорий относительности в новой физике и особенности проявлений детерминизма в квантовой механике и в биологии к середине XX века уже сформировали и соответствующую им новую философию. Отмечая, что "внутренняя логика развития физических теорий" поставила классическую физику в ранг частного уровня познания мироустройства, или, по выражению И. В. Давыдовского, сломала "представления Ньютона—Лапласа", он задает вопрос: "разве не то же самое мы хотели бы иметь в патологии?"¹⁰.

На первый взгляд ученым-медикам здесь не о чем спорить; большинство из них ответили бы (и отвечали), что сами они не только хотят того же, но уже и применяют в медицинских науках новую "постклассическую" методологию. По содержанию и тону выступлений оппонентов И. В. Давыдовского многие, как и О. В. Кербиков, искренне так думали. Но так ли это было на самом деле?

Ответ на последний вопрос, по-видимому, следует искать не в самопозиционировании участников дискуссии, а в их объективном положении по

⁷Давыдовский И. В. Заключительное слово // О проблеме причинности в медицине. — М., Медицина. — 1965. — С. 117.

⁸Выступление проф. А. Ф. Билибина // Там же. — С. 33—39.

⁹Давыдовский И. В. Философские основы патологии // Арх. пат. — 1969. — Т. 31, № 6. — С. 7—8.

¹⁰Там же. — С. 8.

отношению к естественным наукам, определяемом характером связей с ними медицины — не столько *состоянием* этих связей, которое И. В. Давыдовский обозначил как "отрыв", сколько именно их *характером*, т. е. особенностями исторически сложившихся отношений медицины с естественными науками.

Медицина в целом не является наукой¹¹, поэтому рассматривать связь ее с любой из естественных наук как связь науки с наукой неправомерно. Это возможно по отношению к ряду медицинских наук, в том числе к патологии, но только при условии учета их исторической специфичности, обусловленной именно принадлежностью их к медицине, в лоне которой они возникли и развивались.

Медицина — одна из древнейших сфер общественной практики, целью и основным содержанием которой являются распознавание, предупреждение болезней и лечение конкретного больного (или получившего травму) человека. Она появилась задолго до появления каких-либо наук и основывалась на эмпирическом знании, которое и сегодня наряду с научными знаниями присутствует в активе клинической практики. С появлением и развитием естественных наук медицина всегда отбирала и продолжает отбирать нужные ей знания из всех наук в максимально возможном объеме. "То, что есть в мудрости" (т. е. в знании, философии), — "все это и есть в медицине", — констатировал Гиппократ. Но нужными для нее были лишь те знания и созданные на их основе технологии, которые могли совершенствовать диагностику и лечение болезней. Так было и во времена, когда центрами развития медицины стали университеты¹².

Ни одна из наук не давала медицине знания о сущности главного ее предмета — *болезни*. Медицина была вынуждена создавать это знание сама, включив в объекты своего познания *здоровье как антитезу болезни* для общей дефиниции последней¹³. Тем самым была создана возможность различения этих состояний по качеству и степени

¹¹И. В. Давыдовский называл медицину наукой о человеке. Но это спорное (на наш взгляд, ошибочное) его положение не было в составе предметов дискуссии, поэтому специально здесь не обсуждается.

¹²Об использовании университетской медициной естественных наук как прикладных для нее свидетельствует, например, введение в первой четверти XIX века в учебную программу медицинского факультета Императорского Московского университета курсов с официальными названиями "Физика к медицине применимая" и "Химия к медицине применимая", освободивших студентов-медиков от обязательности обучения физике и химии на физико-математическом факультете.

¹³До настоящего времени здоровье как предмет собственно медицины остается в служебной функции познания болезни, т. е. именно в форме антитезы болезнь—здоровье. Смещение в этой антитезе акцента с болезни на здоровье, выраженное в ряде медицинских дисциплин, является для медицины внешним дополнением, как бы работой "по совместительству", ибо связано оно с социальным заказом другой сферы общественной практики — здравоохранения, для которого здоровье (общественное и индивидуальное) является основным предметом, а медицина, будучи наиболее компетентной в этом предмете, естественно стала одним из основных источников требуемых здравоохранению знаний и подготовки кадров.

отклонения доступных исследованию параметров болезни (*патология*) от параметров здоровья, принятых за *норму*, т. е. путем как бы "материализации" исследуемыми параметрами абстрактной антитезы болезнь—здоровье в антитезе патология—норма¹⁴. При этом исследование направления и степени динамики исследуемых параметров и антитезе патология—норма стала основой решения важнейшей для медицины методической проблемы — объективизации оценки результатов лечения больного.

Если естественные науки использовались медициной в качестве прикладных для нее, то медицинские науки всегда рождались и развивались сами по себе как *прикладные*. Более того, они были к тому же, образно говоря, *пристрастными*, ибо содержали в себе изначальный и атрибутивный для медицины (как изначально гуманистической сферы практики) антропоцентризм.

Используя аналогию с релятивизмом в физике, где результат измерения наблюдаемых явлений зависит от положения и движения по отношению к ним наблюдателя, нельзя не обратить внимания на специфичность отношений в медицине наблюдателя и наблюдаемого. Наблюдатель (будь то ученый-патоморфолог, патофизиолог или клиницист) — всегда врач, а объект для исследования болезни — всегда *больной*, обычно страдающий (*пациент*), нуждающийся в помощи врача и ждущий этой помощи, независимо от того, как глубоко понимает врач сущность состояний, определяемых категориями "здоровье" и "болезнь", и каковы полнота и достоверность его знания об "этиологии" и "патогенезе". При этом сам больной, сообщаящий врачу сведения о своей болезни и связанных с ней страданиях, становится для врача как бы сонаблюдателем некоего внешнего по отношению к ним обоим явления — болезни. Эти особенности и неизбежный при антропоцентризме медицины оценочный подход к болезни (как результату взаимодействия организма со средой обитания с позиций пользы и вреда для человека) формировали определенную семантику медицинской терминологии, отразившей отношение к болезни как всегда чуждому, противоестественному процессу, к ее этиологии как к действию внешних вредоносных агентов ("причин"), к патогенезу как к цепи вызванных этими агентами "нарушений", "поломок" в структурах и функциях организма.

Такая специфичность координат и отношений наблюдателя и наблюдаемого оставалась неизменной на протяжении всей многотысячелетней истории медицины. Сохранению такого положения, в том числе в период торжества "классической" физики (представлений Ньютона—Лапласа), не мешало развитию естественных наук и их методологии, легко воспринимаемой на этапах смены методологии и медицинскими науками. К середине XX века, когда естественные науки (в том числе био-

¹⁴Встречающееся в литературе в форме антитезы патологическое—физиологическое противопоставление патологии физиологии, а не норме неправомерно. Болезнь не исключает, а предполагает развитие физиологических процессов в количественно измененных, отличных от нормы параметрах (например, повышенная температура тела).

логия) осваивали уже новую, "постклассическую", методологию, медицинские науки оставались "вмерзшими" в классическую методологию прежде всего потому, что положение изучающего здоровье и болезнь "наблюдателя" оставалось в ней неизменным. Соответственно неизменными оставались отношение к болезни и семантика медицинской терминологии, что объективно ограничивало познание закономерностей патологии и сущности болезни как явления природы, т. е. как объекта *естественных наук*.

Таким образом, главным основанием дискуссии была несовместимость с новой методологией естественных наук природного антропоцентризма медицинских наук (подчиненных практике) с производным от него оценочным подходом к наблюдаемым медициной явлениям. Для И. В. Давыдовского и для ученых, разделявших его взгляды на патологию, эта несовместимость была относительной. Но разделяли эти взгляды немногие ученые (массово их восприняли тогда только студенты московских медицинских вузов), в выступлениях большинства несогласных легко просматривалось их отношение к несовместимости как абсолютной.

В самой дискуссии главное ее основание проявилось неспособностью многих медиков (всегда врачей!) сменить *уровень* рассмотрения проблем патологии — с не только привычного, но и необходимого им по профессии уровня отдельного больного человека на уровень вида *homo sapiens* да еще и в совокупности с взаимодействующими с ним в совместной эволюции видами. "Достаточно посмотреть на человека в состоянии анафилактического шока или в астматическом состоянии, — писал А. Д. Адо, — чтобы вопрос о том, что аллергические реакции являются для человека полезными, ...перестал существовать"¹⁵. Впрочем, неспособность подняться на уровень вида проявилась и у части оппонентов немедицинских профессий, в том числе отдельных философов, не сразу замечавших, что методологию медицины как объективную реальность, данную им из *медицинской литературы*, оформлял антропоцентризм, который, подобно гравитационному полю массивной звезды, не отпускал и попавших в это поле "сторонних" наблюдателей. Для философов, попавших в это поле, исчезал ориентир понимания болезни на биологическом уровне, установленный диалектиком Гегелем, который писал, что если единственный организм "возвышается над... своим родом (в контексте данной работы — видом. — В. Ж.), то все же, с другой стороны, последний продолжает властвовать над ним. *К этой обратной стороне принадлежит болезнь*"¹⁶.

Так, философы полагали, что качественные различия между здоровьем и болезнью обнаруживаются не на всех уровнях их рассмотрения, а *лишь на органическом уровне*, и принимали взгляды И. В. Давыдовского с учетом этого обстоятельства¹⁷. Г. И. Царегородцев и С. В. Петров тоже об этом

¹⁵Адо А. Д. Методологические принципы построения современной теории патологии // Филос. и соц.-гиг. аспекты учения о здоровье и болезни. — М., 1975. — С. 122.

¹⁶Гегель. Философия природы // Сочинения. — М.; Л., 1934. — Т. 2. — С. 582.

писали, но, усмотрев у И. В. Давыдовского стремление "к отрицанию качественного различия" между здоровьем и болезнью при рассмотрении их "универсальными формами приспособления к среде" (т. е., если по И. В. Давыдовскому, то с уровня самой жизни), то ли не совсем были согласны с тем, о чем сами писали, то ли сочли, что болезнь нужно рассматривать только на организменном уровне, дабы не противоречить самому К. Марксу: ведь "не случайно К. Маркс определил болезнь как *стесненную* в своей свободе жизнь, т. е. болезнь *качественно* понижает, ограничивает... жизнедеятельность человека"¹⁸ (на что И. В. Давыдовский, делая в определении К. Маркса акцент на то, что болезнь — *жизнь*, законы которой неизменны и в ее свободе, и в ее стеснении, заметил: "... стесненная в своей свободе жизнь... не перестает быть приспособлением"¹⁹).

Причины особенностей дискуссии. Основной причиной эмоциональной насыщенности выступлений оппонентов И. В. Давыдовского (и его самого — в ответ) была радикальность пересмотра с его позиций сложившейся в медицине системы взглядов на болезнь и содержание патологии. Его идея *сменить координаты наблюдателя*, т. е. рассматривать уже достигнутое в исконно медицинской теории патологии и развивать ее далее с позиций *не медицины*, а общебиологических, вызвала протест уже потому, что в ней ощущалась предпосылка к разрушению системы огромного количества установленных взаимосвязей между неисчислимыми и разнородными фактами, уже встроенного в логичную для медицины теорию патологии и представлявшегося "неподъемным" для *любой немедицинской науки*. В этом свете идея воспринималась и как принижение достижений медицины, как то, "что медицина вообще находится в тупике, в кризисном состоянии. Нельзя мириться с этим утверждением и не реагировать на него"²⁰. Возможно также, что некоторые медики понимали эту идею как призыв передать патологию в биологию, изъяв ее из медицины. Во всяком случае, патологоанатом И. В. Давыдовский счел не лишним исключить такое понимание, определив путь к общей патологии человека как "путь от патологической анатомии", указав, что этот путь — "естественный и неумолимый закон, внутренняя логика развития нашей дисциплины"²¹.

Особенно эмоциональным было неприятие новой *семантики* определений И. В. Давыдовским с биологических позиций сущности понятий "болезнь", "этиология", "патогенез" (болезнь — приспособление, патологический процесс физиологии-

¹⁷Выступление доц. А. М. Изуткина // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 67.

¹⁸Царегородцев Г. И., Петров С. В. Проблемы причинности в современной медицине. — М., 1972. — С. 7.

¹⁹Давыдовский И. В. Проблема причинности в медицине (этиология). — М., 1962. — С. 76.

²⁰Выступление акад. В. Д. Тимакова // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 71.

²¹Давыдовский И. В. Философские основы патологии // Арх. пат. — 1969. — Т. 31, № 6. — С. 9.

ческий по природе и т. д.), представлявшейся прямо противоположной семантике традиционной медицинской терминологии, сформированной оценочным подходом и относящейся к основе не только обучения, но и воспитания врача. Многие не могли принять превращение микроба — "врага" человека (в семантике традиционной терминологии) в нейтрального сожителя и тем более "друга" человека (новая семантика). Не случайно полностью не принимали предложенную концепцию этиологии социал-гигиенисты и эпидемиологи. Непредставимым казалось допущение в программу образования студентов-медиков взглядов И. В. Давыдовского, "во всех высказываниях" которого, по мнению В. В. Скворцова, "как это ни странно, проявляется больше заботы не о человеке, а о микробе"²². Это было не так, но так это воспринималось.

Влияние на течение дискуссии присущих медицине оценочного подхода к сущности болезни и его семантического выражения в медицинской терминологии понял в ее ходе и сам И. В. Давыдовский. Отвергая от имени патологии "формалистическое деление процессов на прогрессивные и регрессивные", он писал, что "эти акты не подлежат обыденной *аксиологической оценке*, поскольку всякое приспособление как стихийное биологическое явление идет автоматически и *любой ценой* для конкретного носителя". Он полагал естественным непрерывное совершенствование научного содержания понятий, что "обеспечивается и теми связями, которые возникают между патологией и... естественными науками", и подчеркивал, что "именно эта сторона дела больше и вернее всего служит целям устранения *семантических трудностей* предмета"²³.

Напряженность и низкая результативность дискуссии, выраженная в ее продолжительности, имели наряду с обстоятельствами, определившими ее эмоциональный накал, еще и свою особую причину: *отсутствие общего* для участников дискуссии, *единопонимаемого ими, языка*.

Это ярко проявилось после 1962 г. с вовлечением в дискуссию философов и биологов. Сам И. В. Давыдовский, хорошо освоивший язык биологии, не столь достаточно владел (особенно в начале дискуссии) языком философии и, будучи врачом, не избегал также употребления медицинских терминов как в новой, так и в традиционной их семантике.

Некоторые профессиональные философы, средне владея языком биологии и слабо — медицинским языком, не могли адекватно понять смысл предметов дискуссии. Наиболее продуктивной дискуссия была в случае, когда оппонент в наибольшей мере ограничивался пределами своего профессионального языка. Важность этого условия хорошо выразил работавший в медицинском вузе и в целом поддерживавший представления И. В. Давыдовского об этиологии, философ Ф. Т. Михайлов, отметив, что "философ должен быть достаточно скромным и не претендовать на право решать конкретные медицинские проблемы"²⁴. Именно

²²Выступление проф. В. В. Скворцова // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина, 1965. — С. 71.

²³Давыдовский И. В. Философские основы патологии // Арх. пат. — 1969. — Т. 31, № 6. — С. 5.

ему удалось показать действительные ошибки в философском языке И. В. Давыдовского²⁵. Молодой тогда философ Г. И. Царегородцев не был "достаточно скромным" и увидел многие основания для обвинения И. В. Давыдовского в релятивизме и кондиционализме, даже в том, что его "точка зрения (на этиологию инфекционной болезни. — В. Ж.)... противоречит законам логического мышления"²⁶. При внимательном рассмотрении доводов этого философа легко обнаруживается, что они относятся не к позиции И. В. Давыдовского, а к ее интерпретации самим Г. И. Царегородцевым, неверной вследствие весьма слабого в те годы понимания им медицинской терминологии (следовательно, и медицинских проблем), на что мы указывали уже ранее²⁷. Вероятно, что ощущение "права решать конкретные медицинские проблемы" было у этого философа связано с ориентацией на "авторитетных" медиков, философским воззрениям которых на медицинские проблемы верилось (обращает внимание совпадение воззрений у Г. И. Царегородцева и А. Д. Адо).

Для медиков смысл идей И. В. Давыдовского искажался и "семантическими трудностями", и плохим знанием языков как философии, так и биологии. Достаточно проанализировать утверждение, что И. В. Давыдовский "развил оригинальные взгляды на инфекционный процесс как на своеобразный симбиоз макро- и микроорганизмов, носящий приспособительный характер"²⁸.

Во-первых, видно, что автор этого утверждения понимает "симбиоз" как только мутуализм, а не в широком смысле (как биологи и И. В. Давыдовский), отсюда и "своеобразный симбиоз" (вместо "антагонистический" или, по И. В. Давыдовскому, "патологический"). Во-вторых, И. В. Давыдовский действительно приравнивал инфекционные *заболевания* к патологическим формам симбиоза²⁹, но определял *инфекционный процесс* не через отношение его к какому-либо варианту симбиоза, а как саму сущность инфекционной болезни — как *процесс иммуногенеза, "заканчивающийся* чаще всего *новой формой симбиоза организма и микроба"*³⁰. Чувствуете разницу? Досадно, что такая степень непонимания И. В. Давыдовского обнаружилась у его ученика. Но более серьезно то, что в бывшей тогда совершеннейшей "многоэтажной" системе научного редактирования статей БМЭ не нашлось ученого-редактора, который бы уточнил это утверждение автора.

²⁴Выступление Ф. Т. Михайлова // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 80.

²⁵Вместо заключения (от редакционной комиссии) // О проблеме причинности в медицине. — М.: Медицина. — 1965. — С. 142—182.

²⁶Царегородцев Г. И. Кондиционализм в свете ленинской критики махизма // Философские вопросы медицины. — М., 1956. — С. 265.

²⁷Жмуркин В. П. Проблема причинности и патогенез болезней // Очерки по философским вопросам биологии и медицины. — М., 1966. — С. 49—64.

²⁸Краевский Н. А., Давыдовский И. В. // БМЭ. — 1977. — 3-е изд. — Т. 6. — С. 571.

²⁹Давыдовский И. В. Учение об инфекции. — М., 1965. — С. 98.

³⁰Там же. — С. 9, 98.

На призыв И. В. Давыдовского пойти с ним на новые уровни строительства патологии повторилась реакция Бога на строительство до небес вавилонской башни: "Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого". Дискуссия ли это была?

Итоги дискуссии. Хотя большая часть энергии научного спора уходила на поиск общего языка, позитивные итоги дискуссии стали появляться уже в ее ходе. Изменилась сама атмосфера в научной среде. Фоном поддержки для И. В. Давыдовского в период дискуссии стал эволюционный подход к пониманию динамики структур и функций организма в работах видных философов³¹ и биологов³². Повысилось качество языка в ряде формулировок И. В. Давыдовским его представлений. Его идеи приобрели последователей, наиболее ярким из которых стал патологоанатом и патолог акад. АМН СССР Д. С. Саркисов. Благодаря в том числе трудам последнего казалось, что именно развитие идей И. В. Давыдовского органично войдет в состав выстраиваемой на современном этапе теории патологии. Однако для этого число сторонников представлений И. В. Давыдовского оказалось, по видимому, недостаточным.

У нас есть основания полагать, что достоверным показателем "средневзвешенного" отношения научной среды к каким-либо альтернативным научным позициям в медицине являются содержание и выбор автора соответствующей данной альтернативе статьи в БМЭ, где редакционные отделы были представлены совокупностью наиболее видных в своей специальности и самостоятельных (по-разному позиционирующихся) ученых. Поэтому небезынтересно, что во 2-м издании БМЭ из трех "знаковых" статей И. В. Давыдовскому была заказана только одна — "Патогенез" (1961). Статью "Этиология" писал И. Петров, статью "Патология" — Н. Аничков, и обе последние статьи содержат "дух" представлений И. В. Давыдовского, причем И. Петров в отличие от Н. Аничкова прямо ссылаясь на И. В. Давыдовского. В 3-м издании БМЭ, уже после смерти И. В. Давыдовского, статьи "Патология" и "Этиология" писал его последователь — Д. С. Саркисов, но при этом в статье "Патология" имя И. В. Давыдовского упоминается только в библиографии. Статья "Патогенез", заказанная В. К. Кулагину, своим содержанием полностью возвращает читателя во времена "до И. В. Давыдовского" и подтверждает тем самым утверждение автора, что "положения И. В. Давыдовского, рассматривавшего болезнь как приспособление организма к условиям окружающей среды, не являются общепринятыми"³³. Врач "победил" ученого? Дискуссия закончена?

³¹Фролов И. Т. О причинности и целесообразности в живой природе. — М., 1961.

³²Жуков-Вережников Н. Н. Дискуссионные вопросы современной биологии и проблема причинности // Вопр. философ. — 1962. — № 4. — С. 176—180.

Подводя итоги сказанному, следует заключить, что дискуссия с И. В. Давыдовским как обсуждение *противостоящих конкретных научных идей* состоялась, но лишь в малом кругу действительных оппонентов (и медиков, и философов), понимавших друг друга. Для большинства ее участников научный спор не оформился в противостояние идей, ибо противостояли не научные идеи, а научные методологии ("постклассическая" с одной стороны и антропоцентризм с другой), практически две *идеологии*, в рамках каждой из которых было по-разному конкретизировано содержание фундаментальных понятий патологии (патологический процесс, этиология, патогенез). Именно идеологическая основа спора, растворившая его научную предметность, определила и его мощь (по количеству и качественному составу оппонентов), и остроту, и поразительно малую для отмеченной продолжительности эффективность. Если любую научную дискуссию рассматривать как метод исследования, то к завершению дискуссии с И. В. Давыдовским (в связи с его смертью) ее результат соответствует самой ранней стадии исследования — определению его предмета. С этих позиций предметная дискуссия (как метод исследования) далеко не завершена.

На наш взгляд, и сегодня остаются и основание прошедшей дискуссии, и все причины ее особенностей. Однако возможность возобновления сейчас этой дискуссии в прежних ее форматах весьма сомнительна, главным образом потому, что за прошедшие полвека значительно изменилось содержание *клинической практики*, т. е. самой сущности медицины и гена ее гуманистического антропоцентризма в двухтысячелетней "гиппократовой медицине". Если ядром его формирования и выражения в "гиппократовой медицине" были отношения личности врача и личности больного, то в современном статусе медицины врач осваивает производство и юридически оформленное использование технологий диагностики и лечения болезней в алгоритмах, практически не требующих межличностных отношений с больным³⁴. Кроме того, технологический вектор практической деятельности возрастает явно в ущерб ее общепатологическому осмыслению. Вполне вероятно (но это надо исследовать), что сегодня предмет дискуссии с И. В. Давыдовским отходит на второй план.

³³Кулагин В. К. Патогенез // БМЭ. М., 1982. — 3-е изд. — Т. 18. — С. 397.

³⁴Вызванная научно-техническим прогрессом трансформация клинической медицины в технологическую была завершена в США и развитых странах Европы еще в середине XX века, а в нашей стране — почти на полвека позже. Но в отличие от западных стран в СССР — России вплоть до 80—90-х годов XX века (т. е. до начала социального переустройства и определения "товарности" медицинской помощи в рыночной экономике) клиническая медицина привычно включала новые диагностические и лечебные технологии в систему традиционной "гиппократовой медицины", не сокращая, а развивая заложенные в ней этические основы врачевания.